

УДК 323

И.И. Имгрунт

**ПОТЕНЦИАЛ И ПРАКТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАН-
СТВЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕ-
СТВА**

В статье рассматриваются перспекти-
вы российской модернизации и преже-
де всего роль деятельности политико-
управленческих элит в ней. Автор
анализирует потенциал политических
элит в социальном пространстве Рос-
сии и делает вывод, что политико-
управленческая активность элит за-
частую направлена на защиту частно-
групповых интересов.

***Ключевые слова:** политические элиты,
социальное пространство, социальный
порядок, региональные элиты, граж-
данское общество, модернизация.*

И.И. Имгрунт

кандидат биологических наук, соискатель
Южного федерального университета
E-mail: ippk2004@yandex.ru

© Имгрунт И.И., 2013

I.I. Imgrunt

**THE POTENTIAL
AND THE PRACTICE
OF POLITICAL ELITES
IN THE SOCIAL SPACE
OF THE RUSSIAN SOCIETY**

This article examines the prospects for
Russia's modernization and especially the
role of the political and administrative
elites in it. The author analyzes the po-
tential of political elites in the social
space of Russia and concludes that the
political and administrative elites activity
often is aimed at protecting the interests
of private interests.

***Keywords:** political elites, the social
space, the social order, the regional
elites, civil society, modernization.*

I.I. Imgrunt

Candidate of Biological Sciences, Researcher
of Southern Federal University
E-mail: ippk2004@yandex.ru

© Imgrunt I.I., 2013

Современное российское общество уже более двадцати лет находится в состоянии перехода от советской модели экономики и политической системы к новому типу институциональной организации, призванной обеспечить развитие свободных рыночных отношений в экономике и демократии в политической жизни, однако, несмотря на длительный срок осуществления преобразований, в настоящее время все еще трудно сказать, что поставленные реформаторами цели близки к достижению [1]. Можно полагать, что формирующаяся в российском обществе модель социального порядка и режима хозяйствования очень своеобразны и не вполне вписываются в классические институциональные стандарты.

Этот факт, как бы его ни оценивать, достаточно зримо связан с проблемой модернизации российского общества и экономики. Трудности модернизации, о которых много написано в последние годы, интерпретируются по-разному. Ряд авторитетных исследователей [2, с. 17] полагают, что основной причиной трудностей нужно считать факторы культурного характера: специфику национальной ментальности россиян, которая остается ориентированной на традиционные ценности и консерватизм. Тем самым низкая эффективность модернизационных процессов находит объяснение в слабости адаптационных ресурсов и традиционализме широких масс населения, мешающих воспринимать инновационные культурные образцы и следовать им в повседневных практиках. Таким образом, задача повышения эффективности модернизации превращается в культурологическую по своей сути проблему, решение которой возможно лишь в эволюционной перспективе, поскольку процессы культурных изменений обладают значительной инерцией и охватывают в своем течении много поколений.

Другая позиция, альтернативная только что приведенной, связывает проблему низкой эффективности российской модернизации на ее нынешнем витке главным образом с социально-групповыми характеристиками правящей элиты, ее мотивациями, управленческими качествами, культурным потенциалом, особенностями самопозиционирования [3]. Масштаб и разнообразие ресурсов, которыми обладает правящая элита, – экономических, административных, культурных, образовательных, информационных – обеспечивают ей возможность постоянного интенсивного влияния на ценности и представления масс, благодаря чему происходит дрейф массовых ориентаций и установок в сторону собственных ценностей и представлений элиты. Аналогичной точки зрения придерживается видный отечественный элитолог О. Гаман-Голутвина, полагающая, что в основе неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве выступает слабость модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит [4, с. 79].

Разделяя вторую из обозначенных здесь позиций, мы связываем социально-практическую и теоретическую актуальность заявленной нами темы исследования в первую очередь с неотложностью задачи экономической, технико-технологической и социокультурной модернизации российского общества. Мы полагаем, что социальное развитие определяется прежде всего соответствующей направленностью действий элит, их ориентацией преимущественно на ценности развития, а не на сохранение статус-кво. Эффективность модернизации зависит также от объема ресурсных вложений в цели, связанные с развитием, причем речь идет не только об экономической или технологической составляющих развития, но также и о политической и гражданской составляющих, о стратегической роли правящей элиты в определении приоритетов.

В такой постановке проблема эффективности российской модернизации ориентирует прежде всего на исследование самих правящих элит как их деятельности и выражаемых в ней групповых интересов, так и структурных характеристик, состава, специфики элитогенеза и других особенностей. Необходимо, в частности, выяснить, какие качества и позиции политической элиты приводят ее к незаинтересованности в ценностях развития, переориентируют ее на консервативные установки. Нужно исследовать вопрос, какие факторы приводят к росту закрытости современных российских элит и их дистанцированию от массового слоя и что означает закрытость и дистанцированность от народа элит с точки зрения стоящей перед страной задачи модернизации.

Особый интерес представляет изучение региональных властных элит как социальных групп, задающих мотивации и поведенческие установки российской провинции. В отличие от столичных мегаполисов провинция обладает совершенно другими параметрами образованности и информированности населения, иной степенью его гражданского и политического участия, характеризуется большей зависимостью поведения рядовых граждан от позиций и поведения элиты.

В то же время необходимо отметить, что исследования элиты, в особенности политической, обычно осуществляются в предметных рамках политических наук, тогда как со стороны социологии исследование этого предмета может дать не меньше значимой для общества информации. Более того, эмпирическая база, которую, в отличие от политологии, может обеспечить социология, позволили бы существенно обогатить имеющиеся теоретические представления о роли политической элиты в модернизационном процессе в России. Недостаточная исследованность политической элиты в социологическом ключе средствами соответствующей методологии является фактором, обуславливающим научно-теоретическую актуальность данной темы.

Социально-практическая актуальность темы нашего исследования обусловлена фундаментальной ролью элит в процессе реализации стоящих перед обществом модернизационных задач. Ее теоретическая актуальность определяется имеющейся диспропорцией в исследованности проблематики политических элит между политологической наукой и социологией.

В настоящее время объективно наиболее значимой для российского общества и его элиты проблемой остается продолжение модернизации экономики, социальных институтов и социокультурной среды. Современная действительность такова, что уже не допускает маятникообразных колебаний между попытками модернизации и традиционализацией. От эффективности и бесповоротности модернизации зависит и сохранение экономического суверенитета, и благосостояние населения, и имидж страны в восприятии международного сообщества.

Однако очередная модернизационная попытка – реформы 90-х – 2000-х гг. – тоже, как и все предыдущие, оказалась малоэффективной. Трансформация формальных институтов, на которую возлагали основные надежды реформаторы, почти не принесла ожидаемого улучшения качества жизни основной массы населения, более того, создала многочисленные трудности и тяготы, потребовав от большинства людей заново адаптироваться к изменившимся условиям. Массовая усталость и разочарование сказались в изменении отношения к самой реформаторской инициативе: население, напуганное «шоковой терапией», метнулось в своих ценностях и оценках в сторону традиционализма, что засвидетельствовали эмпирические исследования.

Но эти же исследования дали основание и повод заговорить о «социокультурной уникальности» россиян, их непреодолимом традиционализме и принципиальной немодернизируемости как решающем факторе малоэффективности российской модернизации.

Нам представляется, что, хотя эти взгляды, разделяемые рядом видных отечественных социологов, не лишены оснований – низкоресурсность и социальная малоинициативность населения остается серьезной проблемой для всего общества, – все же этот фактор не является определяющей причиной малоэффективности модернизации. Не меньшее, а, возможно, и большее значение имеет позиция и характер практик политико-управленческой элиты, во многом определяющие пробуксовку институциональных новаций.

Мы поставили перед собой задачу дать анализ влияния деятельности политико-управленческих элит на эффективность модернизации. Решение этой задачи необходимо было начать с обоснования социологической операционализации политической элиты как социального субъекта. Мы полагаем, что социальная субъектность раскрывается как в объектив-

ных (функционально-ролевых), так и в субъективных (идентификационных и самоидентификационных) параметрах. Опираясь на структурно-функциональную методологию, мы показали, что одной из основных функций политико-управленческой элиты как института современного российского общества является стратегическая функция, содержание которой в нынешних условиях измеряется приоритетным участием в выработке и осуществлении стратегии социально-экономической модернизации. Идентификационные параметры социальной субъектности можно выявить на основе использования понимающей парадигмы – через рассмотрения целевого и ценностного измерений смыслообразования социального действия. В этом отношении современная ситуация в России требует от политической элиты идентификации с ценностями развития и соответствующую этому ориентацию на цели развития. При этом условии характер деятельности элиты как ключевого коллективного актора в процессе модернизации мог бы быть социально-конструктивным.

Однако, как показывают современные исследования по теории модернизации, возможны различные модели этого процесса. Известно, что российская модернизация является догоняющей, реактивной и рецидивирующей. Осуществляясь рывками и являясь, по сути, ответом на приходившие извне вызовы, российская модернизация исторически не имела иных источников внутри локального социокультурного контекста, кроме стратегической инициативы элит, заинтересованных в сохранении и укреплении национального суверенитета. Поэтому важнейшим отличием российской модели модернизации была также ее мобилизационность: элиты предлагали массам тот или иной проект будущего, ради реализации которого население должно было прилагать максимальные усилия и нести значительные и разнообразные издержки. Участие в модернизационных проектах было для масс принудительным и безальтернативным, кроме того, оно требовало больших жертв и усилий. Но, прилагая все эти усилия, массы оставались социально и экономически депримированными, не имея возможности воспроизводить свои истощающиеся ресурсы.

Что касается элиты, ее стратегическая деятельность в условиях неразвитости гражданских институтов носила компенсаторный и ограниченный характер. Будучи единственным инициатором модернизационных изменений, элита всегда ограничивала их технико-технологической и экономической сферой, не доводя этот процесс до полномасштабных либерализующих социальную жизнь преобразований. В то же время и для элиты, иницирующей модернизацию, издержки и риски этого процесса были велики, а бонусы и привилегии определялись служебным по отношению к абстрактному идолу государственности, хотя и высоким, социальным статусом.

В настоящее время мобилизационная модель модернизации применительно к российскому обществу, по-видимому, себя исчерпала. После вступления в очередной модернизационный виток население убедилось в том, что быстрых позитивных результатов от него ожидать не приходится, а адаптация к реалиям модернизирующегося общества требует больших усилий. С другой стороны, элита тоже оказалась неготовой к вложению новых усилий в развитие и фактически, как видно по характеру ее практик, перестала идентифицировать себя с ценностями и целями развития. Как отмечала Гаман-Голутвина, возник «негативный консенсус элиты и масс по отношению к ценностям развития».

Уход российской политико-управленческой элиты от стратегической роли в процессе модернизации объясняется, как мы полагаем, целым рядом причин.

Основная причина, на наш взгляд, связана с характером ее рекрутинга и уходит своими корнями в советское прошлое. Институциональная трансформация 90-х гг. проходила, в отличие от аналогичных процессов в других посткоммунистических обществах, без радикальной смены политико-управленческой элиты. Партийно-советская номенклатура, уже на тот период значительно отчужденная от массового слоя, имела возможность не только, поступившись идеологическими ценностями, сохранить прежние высокие статусные позиции, но и повысить их еще более, а кроме того, конвертировать их в финансовые бонусы, пользуясь статусом и возможностями высоких государственных чиновников как своего рода монополией на бюрократические разрешительные правомочия. Выход экс-номенклатуры на поле иллегальных обменных взаимодействий стал предпосылкой для образования уже намечавшейся в советский период неформальной солидарности власть имущих.

В условиях неразвитого гражданского общества и социальной индифферентности масс эта неформальная солидарность превратилась в неиссякающий источник дисфункциональности официальных институтов и сформировала иллегальные механизмы приватизации и закрепления элитных статусов и связанных с ними привилегий.

Приватные групповые интересы федеральной и региональных политико-управленческих элит, аффилированных между собой и с некоторыми бизнес-структурами, направлены в первую очередь на поддержание собственных привилегий и, следовательно, на сохранение сложившегося общественного статус-кво. Поэтому для элит принципиальным является ограничивать рекрутинг и поддерживать его закрытый для общества характер, что приводит ко все большей дистанцированности элит от массовых слоев. Социокультурная модернизация по либеральной модели пробоксовывает не столько в силу традиционализма массового слоя, сколько из-за того, что она приведет к открытию вновь каналов элитообразования

и изменит взаимные диспозиции элиты и масс в социальном пространстве, тем самым ликвидировав результаты неформальной приватизации привилегий.

В этой ситуации у элиты есть выбор: либо ориентировать свои действия на смыслы и цели, связанные с частногрупповыми интересами, либо же – на интересы общества в целом, и действовать в соответствии с ними. В первом случае она вынуждена отказаться от выполнения стратегической функции и усиленных вложений в развитие; во втором ориентация на развитие является необходимой. Судя по характеру практик элиты, она выбирает первый из вариантов.

Об этом свидетельствуют не только неизменное присутствие в российском обществе неформальной солидарности власть имущих, но и объем иллегальных практик теневой политики, расцвет политической и управленческой коррупции, большая заинтересованность элиты в силовиках, нежели в ученых и мыслителях, сохраняющийся несмотря на все декларативные меры дефицит вложений в массовое здравоохранение и образование. Сохранение статус-кво, включающего неформальные элитные привилегии, заботит политико-управленческие элиты гораздо больше, чем реальная результативность модернизации. Отсюда активные поиски валидной консервативной идеологии и использование потенциала традиционализации общества, которым располагает РПЦ.

Следует подчеркнуть, что консервативную и традиционализирующую окраску имеет и обладающий бесспорным позитивным значением для общества процесс консолидации элит, поскольку сама консолидация вовсе не ограничивает на уровне регионов феодальные тенденции в практиках этнократических элит. Региональные элиты по-прежнему содержат мощный этнократический элемент, хотя, конечно, сейчас они гораздо глубже интегрированы в федеральную государственность, чем в 90-е гг. Однако их интеграция базируется скорее на неформальных патрон-клиентельных связях и вассалитете почти феодального типа, что тоже не способствует развитию модернизации в регионах.

Практика деятельности региональных элит показывает, что они вполне вписаны в федеральную вертикаль власти. С одной стороны, выстраивание субординации разноуровневых элит после всплеска сепаратизма 90-х являлось необходимой мерой по сохранению государственности. С другой же стороны, укрепление вертикали отнюдь не подменяет собой восстановления социальной горизонтали, которая, собственно, и составляет подлинную базу демократии. В этом смысле региональные элиты, вероятно, должны были бы более эффективно совмещать свою управленческую деятельность в рамках соответствующего этажа вертикали с принятием мер по укреплению горизонтальных связей и развитию конструктивной гражданской инициативы. Но политико-управленческая

активность региональных элит направлена преимущественно на защиту частногрупповых интересов, в которые входит и выгодное вложение своих статусных позиций и неформального влияния в регионе в корпоративную общефедеральную солидарность элитного слоя с вытекающими отсюда бонусами и привилегиями.

Анализ факторов, влияющих на эффективность российской модернизации, и прежде всего роли в этом деятельности политико-управленческих элит, является одним из наиболее важных для общества и перспективных направлений исследовательской деятельности в современной отечественной социологии.

Примечания

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М.: ИС РАН, 2011.

2. *Лебедева Н.М., Ясин Е.Г.* Культура и инновации // Форсайт. 2009. № 2(10). С.17.

3. *Шляпентох В.Э.* Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Blog/Blog_modern_Shlyapentoh.pdf.

4. *Гаман-Голутвина О.В.* Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4.

Annotation

1. Twenty years of reform through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements). M., 2011.

2. *Lebedeva N.M., Yasin E.G.* Culture and Innovation // Forsyth. 2009. № 2 (10).

3. *Shliapentokh V.E.* Elites, not the masses – the chief curator of conservatism and the main motor of social change in Russia [Electronic resource]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Blog/Blog_modern_Shlyapentoh.pdf

4. *Gaman-Golutvina O.V.* Authoritarianism development or development without authoritarianism: the fate of modernization in the post // Vestnik MGIMO(U). 2010. № 4.